

Десятая зима

Десятая зима с рождения Христова,
Он станет вспоминать на дню её раз пять:
Закрыв глаза — зима, и снова так, и снова...
Не скрыться от Отца, решившего распять.

И лето вспоминал десятое, и осень,
В коробке черепной недуг ещё дремал;
Любил его отец по имени Иосиф,
И не был он велик, а был для смерти мал.

Кто он — живой господь? А может, напрочь спятил,
И пагубу души утаивала тьма?
Ответы за чертой, но корень всех распятий —
Горячая, как боль, десятая зима.

Памяти Вени Д'ркина

Птицы музыку клюют с рук
И мелодией летят с крыш,
Превращаясь на лету в звук —
Песни заповедь одна — слышь!

Остов сказки на просвет — быть,
Горстка благостной тоски всем,
С прохудившихся шузов пыль
Парфюмеры не кладут в крем.

В том и соль, что на часах ноль,
Этот бой — тернистый путь твой —
Возводимая в любовь боль.
Воздух высушенный пей — пой!

Не привыкшему читать смет
Под небесную лазурь — кисть...
Ты к победе приравнял смерть,
Но бессмертье не вполне жизнь.

Ты ли сорванной струны смех
И расцветшей тишины зять?..
Лёг на пажити парчой снег,
Что нам с августа ещё взять?!

Как семь потов, сходила с дурака
В чернилах запортаченная юность,
Смешная незадачливость стиха,
Фартовая подсолнечность и лунность.

Отчаливали дачки к северам,
В ответ летели письма без метафор,
Разламывалось время пополам,
Сшивались дали рельсами этапов...

Свиданки в середине февраля —
Непонятая миром сопричастность,
Острог любви, солёные моря
На десять лет отсроченного счастья.

Годам бесхвостой ящеркой ползти,
Им старости останется немного —
Ночная жрица жрёт после шести
Не в силах напитать ночного бога.

Просеянный сквозь морок юморок
От всех смертей любовью застрахован.
Вот, бабушка, и жизнь — всего лишь срок —
Как шрам, как шов, простроченный строкою.

Утро

В тень легко превратиться, стеная;
Тяжко, челюсти стиснув, молчать,
Ведь родная давно не родная —
Прохудился амуров колчан.

Погибают цветы на морозе,
Забываются боги без паств,
А любовь, опочившая в бозе,
Огоньком отражается в нас...

Полуночица рано не ляжет,
Без работы вся жизнь — выходной,
В темноту предрассветную скажет,
Не смеясь: «С добрым утром, родной!»

...Глянет в зеркало сонная морда,
По утрам невменяемая,
В тишину безответную молвив:
«С добрым утром, родная моя!»

Фанатка

Лучший мужчина из нынешних — это Аршавин...

Н. К.

Она с пелёнок в футболе шарила,
Оторва, выдерга — смех и грех,
И полюбила она Аршавина
Как свет в окне — одного за всех.

К ней прикасались руками потными,
Но перед каждым стоял бемоль.
«Куда ты лезешь? Пойми, животное —
В тени Андрея ты полный ноль.

Катись, чудила, к распутной матери,
Как паровоз, испуская пар...»
Ей шарф «Зенита» — фата и мантия
И самый модный аксессуар.

Влюблённых всех назовут фанатами,
Глядящих трепетно вслед тому,
О ком поётся: «Люблю женатого»,
За кем хоть в Англию, хоть во тьму.

Тем драгоценнее всё нездешнее,
К чему стремиться, бежать, парить
И встретить Лондона утро вешнее
Цветами страсти, борьбы, зари.

Живётся, дышится ради этой вот
Прямой трансляции в небеса:
Четыре плюхи, шторма на «Энфилде»
И нате — с «Ливером» колбаса!

Любовь решает проблемы с визами,
Успев повсюду за ним, родным,
Пока болеют у телевизора
Мужчины молча под храп жены.

Жена им вместо пивной и булочной —
Еды подай, да пивка налей...
Он лучше нынешних, лучше будущих,
Он просто лучший — её Андрей!

Памяти Кирилла Толмацкого

Смерть — предел абсолютного детства,
Повзрослеть не умеет душа.
Время детское — вотчина Децла,
Где «телеги» гремят по ушам...

Зацени — это страшно красиво —
Танцевать, не щадя живота.
Плётки песен длиннее Транссиба:
Бесконечны — мотать и мотать.

Обретались химеры, маня нас,
Мы вращались в дела, а вокруг...
Да, в стране ничего не менялось,
Ни черта не менялось, мой друг!

Те же бледных теней хороводы
Правят хайп, никому не посметь,
Улетая на Остров Свободы,
В 35 инсценировать смерть.

Жесткий трюк: тот, кто глубже и выше,
Недоступный для слёз и молитв,
Держит паузу — больше не слышен
Сердца дробный порывистый бит...

Мы хип-хоп берегаем как веру,
Кто-то тупо бежит от тоски,
А Кирилл стартанул в стратосферу
И себя положил на стихи.

Наколот, как цыплёнок-бройлер,
 Антибиотиком тоски,
 В пучине чёрной нелюбови
 Я вижу белые стихи.

Из свежих ран сочится лимфа,
 Собою представляя жизнь.
 Иглою вострой звякнет рифма,
 Селёдку с палкой подружив.

Лизну косяк заиндевелый
 В объятьях детства или сна,
 Заметив — стих совсем не белый,
 А нелюбовь не так черна...

Ножки

Сердце искромсать не надо ножниц —
 Сладкую истому не избыть.
 У тебя одной такие ножки,
 Что ещё прекрасней может быть?

Часто каторжанину колодки
 Жмут по недоказанной вине,
 Так твои телесные колготки
 Душу перетягивали мне.

Как же сохранить того, кто дорог,
 Как же о любви сказать глухим?
 Скрадываясь эхом коридоров,
 С кем-то удалились каблуки.

Памяти обрежет острый ножик
 Всё, что предназначено забыть.
 Что ещё запомню, кроме ножек,
 Что ещё прекрасней может быть?